37. ИВАНЪ ПЛЕТУХАНЪ (ЛАПОТНИКЪ).

Слава–те Господи, вотъ и лыкъ надралъ! молвилъ Иванъ–Плетуханъ, вошедши въ избу свою, которая стояла особнячкомъ, безъ городьбы, и сама какъ лутошка: безъ двора, безъ плетня, безъ забора, да чуть–ли и не безъ кровли. Иванъ былъ убогъ и нагъ: бывалъ правда у него когда–то свой хлѣбецъ — да градомъ выбило, бурей вываляло, псари потоптали, гуси потравили; съѣлъ самъ послѣднюю краюху, а на посѣвъ ни зерна не осталось. Была–жила когда–то и скотинка — да падежъ повалялъ, чума передушила, волки вырѣзали, калмыки украли да въ сухомятку съѣли; вотъ и надо чѣмъ ни будь хлѣбъ добывать, и принялся за кочетыкъ.

Поколѣ все это водилось у Ивана, такъ бывало все только холится да почесывается; и въ ворота кто стукнетъ, такъ не слѣзая съ печи хозяйку посылаетъ:

поди–ка, отопри; а голь на выдумки беретъ, нужда научитъ калачи ѣсть: какъ только припала на него бѣда, такъ вотъ и принялся за ремесло, котораго прежде и въ рукахъ не держалъ и котораго на всей деревнѣ никто не зналъ, а всѣ мужички носили лапотки покупные; такъ у отцовъ ихъ водилось. Иванъ и сталъ одинъ однимъ источникъ и художникъ на это ремесло, и сталъ зарабатывать деньжонки.

— Такъ слава–те Господи, молвилъ онъ, кинувъ беремя лыкъ на полъ, вотъ и надралъ! Старуха, да что–же ты стоишь не порадуешься? Говори: слава Богу, хозяинъ мой лыкъ надралъ!

Хозяйка его знала и помнила всякій обычай и повѣрье, знала и помнила что и когда и къ чему водится и дѣлается, но про такой обычай, чтобъ хозяина съ лыками поздравлять, она не слыхивала. Она, при всей бѣдности своей, пасхи безъ кулича, а масляны безъ блиновъ не проваживала; на средокрестной пекла кресты, пережигала четвертковую соль съ квасной гущей, готовила кутью не только въ

рождественскій сочельникъ, но и въ одну изъ великихъ субботъ, — а въ память Ѳедору Тихону, варила колево. На этотъ разъ, она готовила, по обычаю, на день сорока–мучениковъ 40 жаворонковъ, катала здобное тѣсто на канопляномъ маслѣ, выкраивала изъ него пичужекъ и пестрила ихъ ключемъ, гребнемъ, либо наперсткомъ. Ей было не до старика, а онъ тутъ привязался со своими лыками. Отойди, старый, сказала она — надралъ, такъ надралъ, такъ садись да плети лапти, да неси на базаръ, припасай на святую копейку: надо еще сандалу купить, да инбирю.

Старикъ проворчалъ что–то про себя, однако принялся за кочетыкъ. Старуха возилась съ жаворонками: мѣсила, катала, пестрила, сажала въ печь, наконецъ вынула: Слава–те Господи, дошли хорошо, зарумянились, а не подгорѣли и глядѣть хорошо! Старикъ, сказала она, чего–жъ ты сидишь да сопишь, знай лапти ковыряешь, а сюда и не глянешь: вишь, слава–те Господи,

и мы не хуже людей, и съ жаворонками управились!

— Ну такъ слава–те Господи, сказалъ старикъ, славословить Господа годится по всякъ часъ. А я вотъ тѣмъ часомъ лапотокъ сплелъ и подъемъ повершилъ и концы схоронилъ; скажи–ка ты: Слава Богу лапоть поспѣлъ!

— Ну, поспѣлъ, такъ поспѣлъ, отвѣчала старуха, такъ берись за другой, одинъ на продажу не понесешь.

— Да что же ты вправду зартачилась, старуха, что–же ты не хочешь со мною славословить Создателя? Я примусь и за другой, да ты сперва скажи Богу спасибо и за этотъ. Ну, ну полно, молвила она, дѣлай ты знай свое, а я свое. — Старика досада беретъ: съ чего это она дурить стала? Аль ты, говоритъ, отъ крестной силы отреклась, что не хочешь Бога прославить за насущное пропитаніе наше? И давечи пришелъ я изъ лѣсу, такъ не хотѣла вымолвить — и теперь тоже. Старуха! скажи: слава Богу лапоть поспѣлъ, коли не хочешь, чтобъ я осерчалъ на тебя!

— Отвяжись ты отъ меня, сказала старуха: вотъ нечего дѣлать ему, такъ сталъ придираться.

— Коли такъ, закричалъ старикъ, такъ вотъ–те ей, ей, не примусь я за работу и въ руки не возьму лаптя, поколѣ не скажешь. И закинулъ початой лапоть подъ лавку, колодку подъ кутникъ, а кочетыкъ на полати. Вотъ и пошла война у старика со старухой: крикъ, шумъ, ссоры, споры: — берись, старый хрѣнъ за работу! — Говори, старая корга, слава Богу, лапоть поспѣлъ! — Нѣтъ, не хочу; что мнѣ тебя переговаривать! Поспѣлъ, такъ поспѣлъ, такъ берись за другой; объ одномъ лаптѣ ходить не станешь. — Ну, а не скажешь, такъ пусть подъ лавкой валяется, а лыки въ печь; скажешь, что–ли? — Нѣтъ, не скажу.

Старикъ за–словомъ протянулъ руку, да досталъ бабу за–косу, да опростоволосилъ ее: волосъ дологъ, да умъ коротокъ; говори, что–ли!

Старуха наша и подъ старость еще была голосистаго десятка, а что бывало прежде, какъ упретъ руки въ боки, глаза въ

потолоки, да запоетъ — такъ хоть святыхъ вонъ понеси, а грѣшнымъ живымъ, такъ не въ сутерпь, бѣги очертя голову вонъ. Вотъ она, по первому земному поклону, который не–хотя передъ сожителемъ отвѣсила, взвизгнула и залилась такими соловьиными перекатами что сбѣжались всѣ шабры, сосѣди и подсосѣдки. Пришелъ и бурмистръ, и пришла — не ужто дѣло безъ нея обойдется? — пришла и бурмистрова хозяйка.

Розняли стариковъ нашихъ и допросили — видно–де они съ ума сошли, на старость лѣтъ: и крикъ и шумъ, и драка — а о чемъ? Старикъ ни съ того, ни съ сего, привязался къ бабѣ: скажи, слава Богу, лапоть поспѣлъ; а старуха — не хочетъ поблагодарить и прославить Бога за то, что у хозяина работа съ рукъ идетъ! Вотъ и принялись соромить старуху да уговаривать — такъ нѣтъ къ ней и приступу, все только поминаетъ обиду свою; вотъ вмѣшался въ дѣло бурмистръ, молодой и словохотливый парень, которому совѣстно

было наказывать такихъ стариковъ за пустую ссору, и сталъ онъ ихъ мирить:

— Оба луки, оба туги — сказалъ онъ, — оба круты, оба глупы: оба упрямы, въ рукахъ не бывали! Упрямая овца волку корысть, Евстигнеевна, а покорная жена мужу краса: велико дѣло, вымолвить: слава Богу!

— Да чего вамъ отъ меня захотѣлось, окаянные, залилась опять старуха, поправляя шлыкъ свой, — отвяжитесь, собаки, не скажу ему, не скажу ничего, а скажу: чортъ унеси душу его!

Вотъ это ужъ лишнее — сказали всѣ добрые люди, покачивая головой, вотъ уже это, Господь съ тобой Евстигнеевна, не хорошо; ну что за мудрость вымолвить доброе слово и поблагодарить Бога.... Постойте, сказалъ молодой бурмистръ, постойте — вотъ, Евстигнеевна, и Бога гнѣвишь, и супротивъ мужа грѣшишь, и добрымъ людямъ назолушку даешь; а вѣдь все это изъ–за пустяковъ, все это глупость наша — погоди, не шуми, Евстигнеевна, не мечись, дай говорить, слушай: Вотъ тебѣ

хозяйка моя, для ради примѣра и добраго приклада сей–часъ скажетъ: слава Богу, Иванъ лапотки покончилъ — а ты скажи за ней слѣдомъ; вотъ и мировая! Аннушка, гдѣ ты? Подь сюда, скажи вотъ ради добраго примѣра: слава–те Господи, мужикъ лапотки сплелъ!

Это съ чего ты взялъ? спросила обиженная Аннушка своего сожителя — это въ какую стать? Что я ей за выпускная кукла такая? Да по мнѣ хоть бы ее до вѣку за–косу таскали, такъ слова не вымолвлю. Народъ засмѣялся; бурмистру стало совѣстно, что вотъ такъ–то хозяйка его слушаетъ — а онъ было хотѣлъ ее въ примѣръ другимъ поставить; сталъ онъ упрашивать ее, уговаривать, а тамъ и приказывать — что ни дальше, то хуже; не сказала съ перваго раза, такъ хочется поставить на своемъ — вотъ она и пуще на дыбы; дошло и тутъ до ссоры, до брани, до слезъ, да чуть ли и не до зуботычины.

Увидавъ и услышавъ все это, Евстигнеевна разсмѣялась, видно ей это было по сердцу, и спросила: что взяли? А

затѣмъ опять напустилась на своего старика и наговорила ему съ три–короба такихъ рѣчей, что хоть бы никому ихъ во вѣкъ не слыхать. Старикъ сталъ жаловаться на нее міру; ихъ и взяли обоихъ и повели къ попу, чтобы усовѣстилъ и уговорилъ ихъ и успокоилъ. Но на бѣду батюшки не было дома, а попался имъ на подворьи пономарь. Что такое, спросилъ онъ, что у васъ это сталось? А вотъ такъ и такъ, говоритъ народъ, вотъ какое дѣло, и не знаемъ какъ быть со стариками!

Пономарь въ свою очередь принялся увѣщевать старуху: ежели, началъ онъ по книжному, ежели дѣтище на отца–мать руку подыметъ, то нечестивая рука его, сучкомъ изъ могилы выростетъ; ежели жена возстанетъ на мужа своего, хотя словомъ единымъ — языкъ закоснѣетъ у нея, сухота нападетъ; а что бурмистрова хозяйка не хотѣла показать тебѣ добраго примѣра, а послѣдовала сама тебѣ — такъ ужъ это не годится. Постойте, примѣръ научаетъ и наставляетъ: пойдемте, ради примѣра, къ моей хозяйкѣ — она женщина

кроткая, какъ вѣдомо всякому, и послушная.... И что стоитъ выговорить: слава тебѣ Господи! Славой возносить подобаетъ Господа во всякое время, во всякъ часъ и всякимъ помышленіемъ своимъ. Слава не нужна Господу, намъ нужна слава Господня.

Гдѣ матушка, дѣти, спросилъ онъ, вошедъ въ избу свою, между тѣмъ какъ и міряне пошли за нимъ, чтобы видѣть конецъ.

Матушка взяла твою новую шляпу, батюшка, отвѣчали дѣти, да пошла съ нею куда–то, некакъ на сѣнникъ, что–ли.

Это что такое значитъ, проворчалъ недовольный пономарь — для чего–же это брать мою шляпу, да еще и новую? — Ужъ этого я и не люблю; коли овесъ мѣрить, такъ можно бы найти чашку какую нибудь, что–ли, или по крайности взять старенькую.... И пошелъ, со всѣмъ поѣздомъ, отыскивать по двору пономариху.

А пономариха, какъ добрая скопидомка, въ самое это время собралась было тайкомъ

и въ тихомолку подсыпать насѣдку, по обычаю, изъ новой хозяйской шляпы, да усадить на яйцы. Услышавъ зовъ и голоса и шаги народа, она испугавшись разсыпала и побила яйцы и заварила въ новой шляпѣ пономаря яичницу; выскочивъ наскоро, она напустилась на всѣхъ, а пуще на мужа — вамъ чего здѣсь надо, вы тутъ чего не видали?

Пономарь, смекнувъ теперь только дѣломъ, не сталъ уже поминать шляпы своей, а хотѣлъ задобрить хозяйку, но въ то же время не остаться бы у міра въ дуракахъ, хотѣлъ показать кротость и послушаніе жены своей: по этому онъ обѣщалъ ей тотчасъ же уйти и не безпокоить ее, коли она вымолвитъ, ни съ того, ни съ сего, слава Богу, лапоть поспѣлъ!

Вотъ это пономарь нашъ придумалъ кстати, такъ ужъ кстати. Сколько ни бился онъ, какъ ни уговаривалъ, ни упрашивалъ — не только ни до чего не добился, а подъ конецъ такъ разгнѣвалъ хозяйку свою, что насилу безъ грѣха и самъ ушелъ.

Стыднехонько было ему передъ людьми — да хоть волкомъ взвыть, ничего не сдѣлаешь.

Пошелъ Иванъ Плетуханъ домой, пошелъ повѣсилъ головушку на правую сторонушку, и закручинился. Разошелся и мірской людъ, кто куда, разсуждая о женской кротости и послушаніи. Многіе мужички, воротившись домой, хотѣли было попытаться, заставить хозяекъ своихъ сказать: слава Богу лапоть поспѣлъ — и чесались у нихъ на это языки — да нѣтъ, подумали, да и промолчали: это вѣрнѣй. Совѣтую и вамъ сдѣлать то же.